

Содержание

Расколдовывание России:

предисловие ко второму изданию 5

Предисловие.

Как я попал в ловушку 9

Интерлюдия 1.

Парадокс Бартоломео Коллеони 22

Глава 1.

Как армия «съела» Россию 26

Интерлюдия 2.

Загадочное преображение святого Франциска 133

Глава 2.

Христианство и «русский бог» 137

Интерлюдия 3.

Тайна одинокого замка 251

Глава 3.

Взросление Левиафана 255

Интерлюдия 4.

«Иконостас разума» и «иконостас радости» 400

Глава 4.

Несовременная модернизация 404

Интерлюдия 5.

Между страхом и ужасом 519

Заключение.

Пастораль Нового времени 523

Библиография 529

Примечания 579

Расколдовывание России: предисловие ко второму изданию

Именно то, что удивит вас в этой книге и, пожалуй, даже вызовет поначалу решительное несогласие, является в ней самым главным. Именно ради этого я писал обе книги серии «Почему Россия отстала?» и сейчас завершаю третью. Именно это позволяет пересмотреть ряд привычных представлений о том месте, которое наша страна занимала на протяжении веков среди европейских народов.

Читая книги серии «Почему Россия отстала?», вы быстро обнаружите, что по объему привлеченного историко-социологического материала рассказ о других странах формально занимает даже больше места, чем повествование о нашей стране. Возможно, вы подумаете, что ошиблись с выбором книги, поскольку она расскажет вам не о том, о чем вы хотели бы узнать. Но весь мой многолетний опыт изучения проблем модернизации и отсталости показывает, что наши знания об успешных странах насквозь пронизаны разными мифами, и потому, сравнивая себя с ними, мы сравниваем более-менее адекватно представляемую Россию не с реальными западными соседями, а с вымышленными. Неудивительно, что из такого подхода вытекают существенные ошибки в понимании проблемы отсталости. Кто-то рвет на себе волосы, сильно преувеличивая ее масштабы и полагая,

будто бы мы отстали навсегда. А кто-то, напротив, не желает видеть наших проблем и тем самым лишает себя возможности конструктивно размышлять над способами их разрешения. Кто-то представляет себе Россию эдакой Бабой-ягой, готовой сожрать любого добра молодца, не успевшего сбежать в эмиграцию от ее курьих ножек. А кто-то, напротив, видит нашу страну Спящей красавицей, которая вот-вот проснется, встрепенется, подкрасится косметикой отечественного производства, и сразу миру станет ясно, кто на свете всех милее, всех румяней и белее. Я предлагаю отказаться от этих крайностей и вообще от идеологизации вопроса об отсталости. Я предлагаю оставаться в рамках науки — исторической социологии — и сравнивать разные европейские страны, включая Россию. Я предлагаю на время чтения книги расстаться с эмоциональными переживаниями, связанными с тем, что речь идет о нашей стране, и взглянуть на анализируемый материал холодным взглядом.

Книги серии «Почему Россия отстала?» построены следующим образом. Я стремлюсь проанализировать положение дел в Европе, рассматривая ее как нечто целое, как систему, в которой отдельные страны взаимодействуют между собой, реагируя на вызовы соседей и, в свою очередь, угрожая им тогда, когда удастся добиться определенных экономических и военных преимуществ. Лишь заложив такую основу, автор может двигаться дальше — к осмыслению развития России, а также других европейских государств, которые для нас очень важны, поскольку осмысление особенностей их исторических путей лучше помогает осмыслить наш многовековой путь. Сразу прошу читателя понять, что подобный методологический подход является для меня единственно возможным. Широкий европейский фон — это вовсе не отвлечение от главной темы исследования, не затянувшееся введение в нее, не уход

в сторону и тем более не самоуверенная попытка продемонстрировать читателю эрудицию автора. Это абсолютно необходимый в данном случае способ расколдовать, демифологизировать Европу, понять, какой она была на самом деле, а не в популярных массовых фантазиях. И, соответственно, это способ понять, чем Россия отличалась, а чем походила на другие европейские страны.

Некоторые мои оппоненты, удивившись тому, какой большой объем материала в книгах этого цикла посвящен исследованию европейского фона, а не России в узком смысле, называют структуру материала перекошенной. Так поступает, например, профессор, кандидат экономических наук Андрей Павлович Заостровцев¹. С подобной оценкой столь же трудно согласиться, как, скажем, с требованием к врачу при лечении болей в конечностях изучать прежде всего ноги и руки, уделяя минимум внимания системе кровообращения, нервной системе, пищеварению. Организм представляет собой целостную систему, так же как система европейских государств. Без понимания того, что представляет собой эта система, без отказа от мифов в пользу осмысления реальных исторических фактов мы подвергаемся опасности сильно исказить понимание каждой страны и, в частности, России.

Приятно, что другие рецензенты четко выделили именно те моменты, которые имели для меня в работе над серией книг «Почему Россия отстала?» принципиальное значение. Профессор, доктор исторических наук Борис Николаевич Мионов отметил даже, что «на русском языке нет равноценного труда — с таким обстоятельным и подробным анализом проблемы экономического роста России на фоне развития западноевропейских стран в Средние века и в начале Нового времени»². Кандидат филологических наук Николай Николаевич

Подосокорский написал: «Надо отдать должное автору, что сопоставления России с Западом в его книге далеко не всегда говорят в пользу последнего»³. А кандидат исторических наук Павел Валентинович Крылов подчеркнул: «...предложенная Д. Я. Травиным трактовка подкупает тем, что в ней нет никакой метафизики, да и сам образ отставания лишен каких бы то ни было идеологических и ценностных характеристик»⁴. Следуя за этим вдумчивым рецензентом, я прошу своих читателей не искать в моих книгах никакой метафизики, а пройти именно тем путем, который в них предлагается.

Дмитрий Травин
Август, 2025

Предисловие.

Как я попал в ловушку

Вообще-то, в научных книгах автор должен, согласно сложившейся традиции, демонстрировать некоторую отстраненность от материала, но в данном случае я решил сделать исключение, поскольку лучшего разъяснения сути поставленной проблемы, чем ссылка на личный жизненный опыт, мне не найти. Дело в том, что я сам попал в ловушку, аналогичную той, о которой пишу применительно к российской модернизации. И хотя все аналогии, конечно, условны, думаю, мне не удалось бы в полной мере осмыслить то, о чем пойдет речь в этой книге, если бы я лично не столкнулся с проблемой, о которой сейчас скажу.

Более тридцати лет назад (в 1991 г.) я оказался на распутье. Окончив экономический факультет Ленинградского государственного университета, поработав некоторое время преподавателем в небольшом вузе и защитив кандидатскую диссертацию, я обнаружил, что жизнь нашей страны радикально меняется и для меня, в частности, появляются принципиально новые возможности. Близилось время гайдаровских преобразований, и перед моим взором, прямо как на известной картине Виктора Васнецова, простерлись разные дороги. Первая — стать чиновником и заниматься реформами экономики. Вторая — остаться вузовским преподавателем и ничего в привычном образе жизни не менять. Третья — уйти в публицистику, чтобы

объяснять суть реформ значительно более широкому кругу людей, чем группа студентов.

Рациональная оценка ситуации подсказывала, что выбирать надо, конечно, третий путь. Во-первых, спрос на знания о реформах в России тогда был огромный: журналисты плохо понимали суть рынка и пресса нуждалась в носителях специальных знаний. Во-вторых, у меня неплохо получалось писать популярные статьи по экономике. В-третьих, это дело вполне соответствовало моим личным склонностям. В-четвертых, работа чиновника этим склонностям совершенно не соответствовала. В-пятых, труд газетного обозревателя оставлял много свободного времени для чтения и занятия наукой, хотя формально я из науки уходил. В-шестых, публицистика тогда нормально оплачивалась, хоть и не сулила столь радужных перспектив, как уход во власть, который выбрали многие мои друзья.

И вот я почти на два десятилетия стал обозревателем: сначала экономическим, а потом и политическим. Это было прекрасное время в творческом отношении. Будь у меня возможность вернуться в прошлое и вновь делать выбор, я поступил бы точно так же. В «эпоху публицистики» мне удалось написать не только много статей, за которые меня благодарили читатели, но и основную научную книгу «Европейская модернизация»¹. Проблемы же пришли ко мне не «изнутри», а извне. Жизнь страны изменилась, и то, что представляло рациональным выбором в начале девяностых, перестало так выглядеть в конце нулевых.

Сначала закончились реформы: наверху сочли, что без них спокойнее. Потом в России исчезла политическая жизнь: точнее, она стала кулуарной, и газетному аналитику все чаще надо было в своей работе что-то додумывать, а не опираться

на точные факты. Писать о «текучке» в таких условиях становилось все менее интересно. Одновременно падал интерес читателей к анализу происходивших в России событий и интерес спонсоров — к финансовой поддержке прессы. В конце нулевых годов еще не было жестких запретов на серьезную аналитику, однако тот смысл, который меня привел к ней в начале девяностых, стал исчезать. Рухнула из-за отсутствия средств газета, которой я отдал несколько лет жизни. И впереди замаячила перспектива писать за гроши поверхностные тексты, которые по большому счету несильно нужны ни мне, ни моим читателям.

То, что в начале девяностых представлялось мне вполне рациональным, оказалось таковым лишь в среднесрочной, но не в долгосрочной перспективе. Я не могу обвинить себя в неправильной оценке этих перспектив, но, как бы то ни было, реальность оказалась иной, и на это следовало трезво прореагировать. Стало ясно, что надо вновь менять жизненный путь, и тогда я пришел в Центр исследований модернизации (М-центр) Европейского университета в Санкт-Петербурге (хотя продолжал какое-то время совмещать научную работу с публицистикой). Казалось бы, все в моей жизни вновь складывается хорошо. Университет прекрасный. Свобода творчества неограниченная. Условия для работы оптимальные. Но если встаешь на новый путь, когда тебе уже под пятьдесят, невозможно начать жизнь с чистого листа. Трудолюбивый «научный муравей» вполне мог бы сказать мне, как человеку, долгое время писавшему популярные статьи на злобу дня: «Ты все пела? Это дело. Так пойдя же попляши!»

Пока я занимался публицистикой, многие мои друзья успели отучиться, защититься и даже поработать за рубежом.

Лучшие из них вполне вошли в современную западную науку, став известными и уважаемыми коллегами в глазах зарубежных ученых. Они публиковались в наиболее престижных журналах и имели хорошую цитируемость, что стало за время моего «ухода из науки» считаться главным критерием научности.

«Уход из науки» почти на два десятилетия не сделал, надеюсь, меня худшим специалистом в избранной для исследований области, поскольку я никогда, в сущности, не уходил от научной работы, вкладывая в нее даже больше времени и сил, чем некоторые замученные бюрократическими требованиями преподаватели. Однако по ряду формальных критериев для меня сложилась в науке не слишком благоприятная ситуация. Тот жизненный путь, который я выбрал более тридцати лет назад, завел в тупик, и даже бывшие мои престижные премии в нынешней ситуации ничего не значат. А тех «знаков отличия», которые нынче ценятся, у меня маловато. Поэтому некоторые коллеги, следящие в первую очередь за «знаками», весьма прохладно приняли меня в своем «цеху». Для них я оставался скорее публицистом, чем научным работником вне зависимости от того, какие книги пишу сегодня.

Подчеркиваю, речь шла не о критике моих работ, а, скорее, о вызванном формальными обстоятельствами пониженном интересе к ним в кругу коллег. Это, конечно, не было катастрофой. Есть много коллег, с интересом читающих мои книги и обсуждающих мою работу по существу (причем, к счастью для меня, те ученые, которых я особенно ценю, находятся именно в этой группе), но глупо было бы делать вид, что сложившаяся ситуация совсем не огорчает. Проблема есть. По сути дела, тридцать с лишним лет назад я попал в своеобразную

ловушку, которая не мешает сегодня развиваться, но осложняет это развитие целым комплексом обстоятельств. Суть ловушки в том, что, размышляя вполне рационально, но не имея возможности предвидеть будущее развитие страны, я выбрал такой жизненный путь, с которого пришлось затем сходить, не имея уже возможности наверстать упущенное.

Теперь напомним, зачем я все это рассказываю. Не для того, чтобы пожаловаться, а для того, чтобы объяснить, чему меня эта история научила в профессиональном плане. В ходе модернизации может возникать ловушка, очень напоминающая историю, которая случилась со мной. В какой-то момент общество оказывается на распутье и выбирает так или иначе тот вариант развития, который представляется ему оптимальным, исходя из вполне рациональной оценки ситуации. Скорее всего, выбор делает элита, а не все общество, но доминирующие группы интересов оказываются им довольны. Порой же выбор варианта развития бывает столь очевиден, что общество даже не замечает имеющихся альтернатив.

Все следуют за обстоятельствами. Все славят великого государя, возглавляющего это движение. Все восхищаются его силой и мудростью. Все благодарят Бога за покровительство. Но никто не знает, к чему лет через двести-триста приведет выбор, основанный на сложившихся обстоятельствах. Точнее, людям кажется, что все будет хорошо, но, поскольку они не обладают информацией о будущем, их оценки могут оказаться ошибочными. Краткосрочный и среднесрочный успех вдруг оборачивается для общества серьезными проблемами в долгосрочной перспективе. А когда сменяется несколько поколений и забываются исходные условия, в которых жили прадеды, новые поколения начинают думать, будто бы те совершили ошибочный выбор: то ли по глупости, то ли по воле

судьбы, то ли по злему умыслу. Такова «ловушка модернизации»*.

Избежать такого рода ошибок в ходе модернизации практически невозможно. Во-первых, из-за того, что сложность нашего мира намного превышает нашу способность к анализу текущей ситуации. А во-вторых, из-за того, что решение сложных краткосрочных задач развития общества даже для лучших государственных деятелей может оказаться важнее решения долгосрочных: им-то ведь требуется выживать здесь и сейчас, а не через двести–триста лет.

В истории большинства стран мира есть такие ловушки². Россия не исключение. Вот о важнейшей ловушке модернизации, в которую наша страна попала, и пойдет далее речь в этой книге. Думаю, если бы я сам на своем жизненном пути не угодил в подобную ловушку, мне было бы значительно труднее оценить сложность и неоднозначность процесса модернизации общества.

Книга «Русская ловушка» является продолжением моих книг «“Особый путь” России: от Достоевского до Кончаловского»³,

* Существует понятие «институциональная ловушка», сходное с понятием «ловушка модернизации». Виктор Полтерович определяет институциональную ловушку как «неэффективную устойчивую норму (неэффективный институт)» [Полтерович 1999: 11]. Хотелось бы, однако, подчеркнуть, что ловушка модернизации возникает, поскольку институт был в свое время вполне эффективным и весьма успешно использовался для решения некоторых проблем, а неэффективным стал лишь в связи с возникновением задач кардинального преобразования общества. Устойчивым же данный институт оказывается потому, что, несмотря на возникшую со временем неэффективность, он выгоден для определенных групп интересов и они стоят на страже сложившихся норм. Если институциональные ловушки, описываемые Полтеровичем (бартер, неплатежи, уклонение от налогов, коррупция, самореализующиеся пессимистические ожидания), проявляются на протяжении нескольких лет [там же: 13–19], то ловушки модернизации обнаруживаются через десятилетия или даже столетия.

«Как государство богатеет... Путеводитель по исторической социологии»⁴ и «Почему Россия отстала?»⁵. В идеале изучение проблемы нашей модернизации следовало бы начать с них. Но не расстраивайтесь, если тех моих работ нет сейчас под рукой. Читайте то, что есть. Просто кое-где вам придется пока поверить автору на слово. В тех книгах подробно обосновываются выводы, на которых я строю сейчас эту работу. Выводы, естественно, будут в «Русской ловушке» повторены, а доказательства опущены. Внимательный читатель сможет к ним обратиться впоследствии, взяв в руки мои предыдущие публикации. Там же он найдет и обоснование некоторых важных методологических положений. Например, того, почему я без всякой русофобии использую термин «отсталость» применительно к нашей стране. А также почему в книгах о проблемах России так много внимания уделено другим странам. И самое главное: с кем, собственно, я «воюю», почему вообще уделяю так много внимания анализу долгого пути наших преобразований. Что же касается книги «Европейская модернизация», то она хоть и давно написана, но посвящена проблемам, вытекающим из того, о чем будет говориться в этой моей работе. В «Европейской модернизации» можно прочесть, в частности, об отмене крепостного права, о том, как фритредерство приходило на смену протекционизму, и о проблемах развития, возникающих в ходе революций Нового времени.

Таким образом, мое видение проблемы российской модернизации излагается в целой серии исследований, которые обдумывались и готовились на протяжении долгого времени. История их написания не менее важна для меня, чем история той «ловушки», о которой говорилось выше, и потому здесь надо о ней кое-что сказать.

Эту книгу я завершаю ровно через тридцать лет после того, как попал на двухмесячную стажировку к профессору Андерсу Ослунду в Стокгольмский институт исследований восточноевропейских экономик (Stockholm Institute of East European Economics). Там для меня открылся новый мир научных исследований, существенно отличавшийся от того мира советского университета, в котором я вырос. Получив доступ к новейшей зарубежной литературе, я написал под руководством Андерса небольшую работу, сводившуюся к сравнительному анализу хода приватизации в разных восточноевропейских странах, включая Россию. Но главным для меня стало другое. С того момента (май–июнь 1993 г.) я стал серьезно размышлять над проблемой реформ в целом и прошел в своем научном развитии три больших этапа. На первом этапе (1993–1999 гг.) я сопоставлял российские реформы с реформами в странах Центральной и Восточной Европы, а также Латинской Америки, пытаюсь понять на основе изучения международного опыта, что мы делаем так, а что — не так. Но об опыте Западной Европы задумывался мало. Мне, как и многим россиянам того времени, казалось, будто это — совсем иной мир. Мир, фактически не проходивший модернизации, а (если слегка упростить) успешный изначально. Однако к концу 1990-х гг. на основе внимательного, но несистематического изучения исторической литературы я сделал вывод, что Западная Европа тоже прошла через сложные преобразования, причем главным в этом деле было совсем не то, что преподавали экономистам и историкам в советских университетах с марксистскими программами.

И вот на втором этапе (2000–2007 гг.) я стал досконально изучать европейскую модернизацию как единый длительный процесс, который шел на протяжении долгого времени: примерно с XVIII по XX в. Мне интересно было не просто сравнить

ход текущих реформ в «молодых» рыночных странах, а получить картину относительно законченного процесса в тех «старых» государствах, которые прошли уже через все успешные и провальные этапы модернизации, пережили яркие экономические взлеты и разрушительные революции, сформировали новые поколения людей, не знавших Старого режима, и, наконец, вошли в спокойное состояние так называемого государства всеобщего благосостояния. Итогом этого периода моего интеллектуального развития стали две книги (первая — научная, вторая — научно-публицистическая), написанные вместе с моим коллегой и другом Отаром Марганя: «Европейская модернизация»⁶ и «Модернизация: От Елизаветы Тюдор до Егора Гайдара»⁷.

Третий этап (с 2008 г. по настоящее время) открылся после формирования М-центра, когда я стал размышлять над проблемой модернизации не столько в историко-экономическом, сколько в историко-социологическом ключе. Я хотел не просто описать процесс развития, обращая внимание на успехи и анализируя ошибки, которые были у всех модернизовавшихся стран, а понять, почему происходили перемены. Пытаясь ответить на этот вопрос, я вынужден был уйти еще дальше в историю, поскольку европейские преобразования, начавшиеся в XVIII в., оказались во многом обусловлены предшествующим ходом развития. И самое главное: преобразования экономические, как стало мне ясно тогда, теснейшим образом переплетались с теми реформами, которые шли в политической и военной областях, а хозяйственный быт столь же тесно переплетался с религиозной проблематикой. Поэтому изучать приходилось не только экономику и экономическую политику властей, а общество в целом, обращая особое внимание на разные непреднамеренные последствия человеческих действий. Как

выяснилось, трансформация верований отражалась на экономике, хозяйственное развитие влияло на военную мощь, демонстрация силы одной страны стимулировала реформы у соседей...

В общем, те четыре книги, что я издал за последние годы, стали непосредственным итогом пятнадцатилетней работы в М-центре ЕУСПб, а по большому счету итогом всего моего тридцатилетнего интеллектуального развития, начавшегося весной 1993 г. со стажировки в Стокгольме у Андерса Ослунда. Непосредственно над «Русской ловушкой» я трудился с 2014 г. В основу этой книги легли три доклада⁸, которые я сильно переработал и дополнил большим объемом нового материала. Если бы не было М-центра, то не было бы и моих книг. Поэтому я хочу выразить благодарность всем его сотрудникам, а в особенности президенту М-центра Отару Маргания и директору Владимиру Гельману. Отар и Владимир всегда поддерживали меня в трудные моменты и настраивали на плодотворную работу. Я многим обязан также Европейскому университету в целом: особенно библиотеке, предоставлявшей нужные материалы, и издательству (Милене Кондратьевой, Дмитрию Козлову, Дмитрию Капитонову), подготовившему к печати мое исследование. И естественно, я благодарен коллегам, согласившимся прочесть рукопись этой книги или отдельные ее главы: Андрею Белых, Владимиру Гельману, Михаилу Давыдову, Василию Жаркову*, Михаилу Кромю, Павлу Крылову, Владимиру Лапину, Борису Миронову, Адриану Селину. Они дали мне ценные советы и помогли избавиться от ряда ошибок.

Помимо помощи коллег, я хочу отметить поддержку, которую постоянно получаю со стороны своих близких — жены

* Внесен в реестр иностранных агентов.

Елены и сына Ивана. Многолетние беседы в кругу семьи помогли мне лучше осмыслить многие важные проблемы исследования.

Не стану перечислять всех классиков науки, оказавших на меня влияние, поскольку написал о них целую книгу⁹. Моя благодарность этим выдающимся ученым безмерна. Я ведь не изобретаю здесь какую-то собственную теорию, а лишь пытаюсь «вписать» Россию (которой мало внимания уделяет мировая историческая социология) в существующие научные теории. Тем не менее четыре важных имени все же отмечу. Это Макс Вебер, Чарльз Тилли, Мишель Фуко и Фридрих фон Хайек. Все, что касается роли рациональности в развитии общества, идет от Вебера. Все, что касается связи войны, налогов и формирования государства, — от Тилли. Фуко показал нам изнанку современного государства. А Хайек предупредил, что на деле люди получают совсем не то, к чему стремятся. Без фундаментальных трудов этих четырех классиков мы просто барахтались бы в море исторических фактов, не зная, как объяснить происходившие на протяжении веков события.

В эти события мы сейчас погрузимся, но, прежде чем вы начнете читать, я хочу вновь обратить внимание на три принципиальных методологических положения, о которых подробно сказал в книге «Почему Россия отстала?»¹⁰. Во-первых, мы глубоко уходим в историю, поскольку у любой страны существует зависимость от исторического пути. Она неочевидна, но серьезный анализ сложной системы связей прошлого с настоящим может помочь эту зависимость обнаружить. Во-вторых, понять причины нашей отсталости мы можем, лишь поняв причины успеха других стран, а потому я вписываю Россию в общеевропейскую картину. Нельзя сравнивать Московию XV столетия с Европой XXI в.: надо понимать, каким был Запад в старые

времена и почему изменился. В-третьих, следует отказаться от популярных в нашей стране представлений, будто существует единый Запад. На самом деле он разный, у каждой страны есть своя специфика, как и у России.

Ко всему этому я добавлю еще два методологических положения, очень важных именно для «Русской ловушки»¹¹.

Во-первых, отсталость — это в известном смысле нормальное состояние. В отсталом обществе человеку очень трудно представить себе, что можно жить иначе, чем жили веками отцы, деды, прадеды... Трудно представить себе, что можно хоть чем-то выделиться из общей массы. Трудно представить себе какую-то иную перспективу жизни, чем та, которая утвердилась за века. Даже если кто-то вдруг выделяется из общей массы и начинает стремиться к другому уровню или даже образу жизни, он оказывается в сложном положении. Общество, к которому этот человек принадлежит, вряд ли будет довольно таким умником. Его постараются в той или иной форме унять. Либо воздействуя силой, либо изолируя от коллектива и обрекая на сложное одинокое существование. Мало кому по силам идти в одиночку против коллектива. Поэтому нормальным поведением для традиционного общества становятся консерватизм и конформизм. Тем не менее перемены все же происходят. Случается это тогда, когда наше общество вдруг начинает видеть иные образцы и понимает, что они привлекательны. Если в изоляции консерватизм и конформизм доминируют, то при контактах с успешными соседями у некоторых людей возникает представление, что можно попытаться жить иначе. Скорее всего, таких людей поначалу будет меньшинство. Ведь, как ни парадоксально это звучит, надо быть очень сильным человеком, чтобы поддаться соблазну. Надо решиться поставить свои личные желания и амбиции выше

страха отделиться от коллектива и подвергнуться наказанию. Надо взять на себя существенный риск утраты спокойствия и привычного благосостояния ради сомнительных шансов обрести что-то такое привлекательное, что ты подсмотрел у соседей. Влияние на нас опыта стран-соседей можно назвать демонстрационным эффектом. В этой книге будет подробно рассказано о том, как он сработал в России, и о том, почему он оказал влияние на нашу страну в одних сферах, но почти не оказал в других.

Во-вторых, рассматривая демонстрационный эффект, не стоит считать дураками всех тех, кто упорно не поддается соблазнам. У «дураков» есть своя правда. Рациональное заимствование чужого опыта может сделать страну сильнее, скажем, в военном плане, но привести к утрате традиционных ценностей, которыми дорожат миллионы людей. Приверженность истинной вере для них может быть важнее как роста благосостояния, так и укрепления обороноспособности страны. Или, наверное, точнее было бы говорить о столь большой важности религиозных вопросов для людей той эпохи, о которой идет речь в этой книге, что всякое рациональное сравнение плюсов и минусов заимствований оказывается чуждо их сознанию. Наверное, читателю, желающему разобраться в причинах российской отсталости, интереснее проблемы православного консерватизма, но я здесь буду много говорить и о консерватизме католическом, стараясь показать, с каким невероятным трудом происходят перемены в любом меняющемся обществе.

Интерлюдия 1.

Парадокс

Бартоломео Коллеони

В старой Венеции, где-то в лабиринте ее прохладных, извилистых каналов и мрачных, каменных, залитых жарким солнцем площадей, стоит храм Святых Джованни и Паоло — проще говоря, Сан-Дзаниполо, как называют его местные уроженцы. Старая готическая церковь Доминиканского ордена превратилась со временем в усыпальницу большого числа дожей. Вдоль стен выстроились надгробия, под которыми вот уже пять-шесть столетий спят вечным сном те, кто правил когда-то Венецией, закладывал основы ее торгового могущества и покровительствовал бурно расцветающим искусствам.

В стенах Сан-Дзаниполо есть что-то такое, что редко удерживается в атмосфере нашего современного, суматошного существования. Мало найдется в Европе мест, где столь же явно веет духом уходящего мира, уходящей славы, уходящей культуры. В Лондоне среди захоронений Вестминстера слишком много туристической суеты, а на окраине Парижа под древними камнями Сен-Дени, куда туристы довольно редко заглядывают, уже давно никто не спит: «великая» революция вытряхнула из могил старые скелеты, несмотря на все бывшее величие их обладателей. Пожалуй, лишь краковский Вавель да, может, еще Риддархольмен в Стокгольме сравнил бы

я по формируемой ими мистической атмосфере с венецианским храмом.

Остроконечные готические формы XIV–XV вв. чередуются в некрополе Сан-Дзаниполо с правильными ренессансными конструкциями XVI столетия. Каждый усопший дож получал там скульптурное обрамление в соответствии со своей эпохой. Каждое надгробие становилось памятником старой венецианской культуры. Каждый монумент оказывался строго индивидуален — наверное, даже более индивидуален, нежели тот правитель, в память о ком он сооружался. Дожи не жалели средств на себя любимых. Но вот ведь парадокс: как бы ни были пышны и величественны захоронения, память о главах венецианского государства хранилась исключительно внутри стен старых городских церквей. Да еще на портретах во Дворце дожей. Но не на площадях города, не в виде памятников героям, не в виде тех монументов, которые каждый день наблюдают спешащие по своим делам горожане и неторопливо изучающие Венецию гости. Где бы ни был захоронен дож, какие бы подвиги он ни совершил при жизни, как ни был бы славен и богат его род, на «свидание» с покойником надо приходить в храм. Мертвые спят в гробницах, живые правят миром. Старый венецианский мир коренным образом в этом смысле отличается от мира столиц нового времени — Лондона, Петербурга, Стокгольма, Вашингтона, где множество пышных монументов разбросано по городским площадям, дабы увековечить память монархов и генералов, проливших свою, а по большей части чужую, кровь ради возвеличивания отечества. Впрочем, есть в Венеции одно важное исключение. И находится оно, что интересно, как раз на той площади, которая распростерлась у стен Сан-Дзаниполо. Это известный конный памятник кондотьеру

Бартоломео Коллеони работы великого флорентийца Андреа Верроккьо. Гробница кондотьера находится весьма далеко от Венеции, в скромном североитальянском городке Бергамо, где сей грозный муж появился на свет и где предпочел быть захороненным. А город каналов воздвиг в честь Коллеони монумент, какого не удостоил ни одного из своих дождей*.

Для Венеции такого рода решение было в конце XV столетия совершенно новаторским, не укладывающимся в сложившуюся за многие века традицию. Но если взглянуть на то, что происходило в других североитальянских городах, можно заметить очевидное зарождение новой тенденции.

В соседней с Венецией Падуе еще в середине XV столетия Донателло — другой великий флорентиец — возвел на площади перед базиликой Святого Антония конную статую кондотьера Эразмо да Нарни по прозвищу Гаттамелата. В самой Флоренции хотя и не появились конные статуи кондотьеров, однако в соборе Санта-Мария-дель-Фьоре есть знаменитая фреска Паоло Уччелло (первая половина XV в.), изображающая не существующий в действительности монумент Джону Хоквуду, который, как ясно из его имени, не был ни флорентийцем, ни даже итальянцем по своему происхождению. Фреска эта — одна из доминант внутреннего пространства собора. А англичанин Хоквуд — не кто иной, как кондотьер, находившийся некоторое время на службе Флоренции. Теперь перенесемся

* Справедливости ради следует заметить, что Коллеони завещал свое огромное состояние Венеции при условии, что ему будет поставлен памятник на пьяцца Сан-Марко. Так что решение венецианских властей, надо признать, было хорошо простимулировано материально. Единственное, что они сделали, дабы не слишком уж идти на поводу у энергичного кондотьера, — заменили пьяццу Сан-Марко на более скромное место, находящееся возле скуолы Сан-Марко, которая стоит на той же площади, что и Сан-Дзаниполо [Всеволожская 1970: 146].

в Сиену. Здесь на стене одной из роскошно декорированных зал Палаццо Публико сохранилось фресковое изображение кондотьера Гвидориччо да Фольяно работы самого Симоне Мартини. Оно относится даже к первой половине XIV столетия, т.е. к тому времени, когда новые культурные тренды, закладывавшиеся ренессансным духом возвеличивания отдельного человека, еще толком не проявились в Италии. Ну и наконец можно вспомнить об одном из неосуществившихся проектов Леонардо да Винчи — конной статуе кондотьера Франческо Сфорца, ставшего к концу своей жизни правителем Милана. Глиняная модель памятника стояла во дворе Каstellло Сфорцеско к тому времени, когда Милан оккупировали французы (конец XV в.). Солдаты, упражнявшиеся в стрельбе, выбрали для развлечения это творение Леонардо, и оно вскоре перестало существовать. Однако тот факт, что Франческо Сфорца — самый знаменитый кондотьер Италии — должен был получить памятник в центре Милана, вполне укладывается в тенденцию, которую мы назовем парадоксом Коллеони. Значение кондотьеров в какой-то момент оказывается для Северной Италии столь велико, что оно явно затмевает значение потомственной аристократии и избранных демократическим образом правителей.

Что же случилось в Италии XIV–XV столетий? Почему перемены, происходившие в системе организации военного дела, столь сильным образом повлияли на жизнь общества, что это оказалось широко отражено в монументальном искусстве? Почему кондотьеры, которых еще недавно, по сути дела, считали обыкновенными бандитами, вдруг «оккупировали» своими образами центральные площади, храмы и стены величественных государственных зданий?

Глава 1

Как армия «съела» Россию

Ловушкой нашей модернизации стало крепостное право, привязавшее миллионы людей к барину и к небольшому клочку земли в то время, когда для целого ряда европейцев начиналась уже эпоха больших перемен — эпоха научной революции, торгово-промышленных городов, социальной мобильности. Различные попытки объяснить причины векового «русского рабства» во многом определяли различные трактовки проблем российских преобразований. Если одни исследователи исходили из того, что крепостничество испокон веков было важной частью нашей культуры, то другие стремились найти рациональные объяснения возникновения и отмены этого института. Соответственно, одни считали наше «рабство» практически неискоренимым, тогда как другие связывали его лишь с обстоятельствами, сформированными спецификой той или иной эпохи.

Николай Карамзин и Николай Костомаров полагали, что «рабство» было заложено в наш национальный характер татаро-монгольским игом и стало культурным феноменом, сохранившимся через много лет после его свержения¹. Не исчез этот подход и сегодня. О влиянии монголов на мировоззрение русских людей не так давно писала, например, Элен Каррер д'Анкокс². Обосновать подобный подход трудно. Он основан скорее на эмоциях его сторонников, чем на фактах³. Но эмоции иногда

оказываются устойчивее, чем итоги рационального анализа, и больше влияют на взгляды широких масс. Поэтому нынче в интеллектуальных спорах о судьбах России весьма распространено мнение, будто «рабский менталитет» объясняет все наши проблемы. И чем больше проблем возникает, тем более устойчивыми становятся представления о зависимости дня нынешнего от культуры далекого прошлого.

В советское время, правда, о рабской психологии народа говорить было не принято. Народ оказывался «всегда прав», а крепостное право объяснялось «по Марксу» как объективный элемент феодального способа производства, приходящий и уходящий в связи с развитием производительных сил общества. Стандартный учебник истории отмечал, что крестьянин находился в личной, крепостной зависимости от феодала, а тот осуществлял внеэкономическое принуждение производителя к труду⁴. Данная схема выглядела вполне рациональной, но формировала у студента примерно те же представления, что и теория «вечного рабства». Ведь если крепостное право на Западе исчезает к началу Нового времени, а в России сохраняется аж до второй половины XIX в. (и потом реинкарнирует в виде сталинских колхозов), то вновь получается что-то вроде порочного круга, из которого нам не выбраться.

С падением Советского Союза пал и марксизм как «единственно верное учение». Но представления о нашем «вечном рабстве» никуда не исчезли. Американский историк Ричард Пайпс сформулировал вотчинную теорию, согласно которой отличие России состоит в том, что вся страна является собственностью царя⁵. А если так, то поголовное рабство становится неизбежной частью нашего государственного устройства: все подданные — от ближайших царедворцев до крестьян из дальнего захолустья — государевы холопы без собственности, без

индивидуальности, без прав и без перспектив. На самом деле собственность была как в России, так и в других европейских странах, устроена намного сложнее, чем следует из книг Пайпса⁶, но простая вотчинная схема оказалась вполне доступной и понятной для многих людей, даже не читавших Пайпса, а лишь слышавших о нем в пересказе. И потому представления о вечном русском рабстве распространены по сей день.

Можно ли объяснить причины появления и долгого сохранения крепостного права в России принципиально иным способом? Можно. Но, как ни парадоксально, объяснение это будет исходить не из культуры, как у Карамзина с Костомаровым, не из экономики, как у советских марксистов, и не из государственного устройства, как у Пайпса. Наш анализ должен будет связать крепостничество с тем, что, на первый взгляд, совершенно не связано с трудом человека на земле, — с армией, вооружениями и проблемами финансирования военных действий. Если даже сейчас вопрос обеспечения армии ресурсами заставляет некоторых правителей выкручивать руки и вытряхивать карманы граждан своей страны, то в далеком прошлом он заставлял монархов вынимать из своих подданных душу.

Почему Европа могла позволить себе «роскошь феодализма»?

В Европе Средних веков возможности ведения войн ограничивались отсутствием у государей больших ресурсов. В той мере, в какой средства имелись, можно было собрать собственные отряды (дружины) или воспользоваться услугами солдат, нанятых на время. Но для осуществления масштабных боевых действий таких войск не хватало. Не удавалось королям в полной мере опереться и на народные (городские) ополчения.

Качественное вооружение и крепкий конь стоили больших денег, а потому призыв бедноты мог лишь дополнить армию, но не сформировать ее основу⁷. «Возникло убеждение, что в войне должны участвовать только воины, *bellatores*»⁸. Городская милиция использовалась для поддержания внутреннего порядка, для подавления бунтов и для поддержки основной армии в кризисной ситуации, но серьезную военную силу она представляла лишь изредка⁹.

Значительно большую роль, чем наемничество и народное ополчение, играла при формировании армий основных европейских стран феодальная организация. Монарх наделял вассалов землей, обеспечивавшей им пропитание и вооружение, а те со своей стороны обязаны были являться по зову сеньора для участия в объявленном им походе¹⁰. Король для ведения войн созывал своих вассалов, и они приходили к нему не потому, что сюзерен платил им деньги (хотя и такое случалось), а потому, что подобная поддержка монарха являлась основой существования общества. Ведь если вассал не поддерживал сеньора, то и сам, в свою очередь, не получал от него помощи при угрозе, которая могла возникнуть его владениям. В эпоху нашествий на Европу норманнов, сарацин и мадьяр подобный механизм иерархической взаимопомощи был единственным реальным способом защиты европейских стран¹¹.

Тем не менее в системе феодальной иерархии имелись слабые места. Первая проблема состояла в том, что войско часто бывало неэффективно. При ведении масштабных боевых действий, требовавших большой армии, могла возникнуть ситуация, «когда отсутствовал один признанный всеми лидер, который отвечал бы за определение плана войны и управлял всем войском. Армия могла состоять из отрядов нескольких

феодалов, не всегда готовых согласовывать свои действия. Не было ничего удивительного в том, что цели участия каждого из них в войне различались. Армии легко распадались на обособленные части, ведущие самостоятельные кампании¹².

Низкая эффективность связана была и с тем, что армии не могли воевать долго, поскольку вассалы обязывались находиться на службе лишь сорок или шестьдесят дней в году. Когда этот срок истекал, рыцари расходились по домам¹³. Если же требовалось воевать дольше, король должен был платить жалование своему войску вне зависимости от того, что вассал пользуется переданной ему землей¹⁴. Существовала высокая степень риска, что война при таком подходе закончится в лучшем случае безрезультатно для монарха, а в худшем — столкновением с превосходящими силами противника. Формирование постоянных гарнизонов, необходимых, скажем, для контроля за оккупированными территориями, в такой ситуации вообще было невозможно¹⁵.

Бывали случаи, когда вассал держал разные участки земли от разных сеньоров. Если те вступали между собой в войну, «слуга двух господ» оказывался в весьма сложном положении. В Брабанте, например, местные обычаи предполагали, что он останется пассивным и вступит в схватку лишь в том случае, если один из сеньоров ведет войну, прибегая к нечестным методам¹⁶. Но если таких традиций не было, то «в случае возникновения противоречий между вассальными обязательствами всегда можно было объявить одну из вассальных связей приоритетной, а другие — менее важными»¹⁷.

Наконец, слабость феодального контингента определялась тем, что у сеньора не было никаких способов проверить, действительно ли вассал привел на войну все свои силы или нет. К XIV в. во Франции они приводили, по некоторым оценкам,